

Киберфотография

Фотография в дословном переводе с греческого означает светорисунок.

Значит ли это, что нарисованное с помощью света изображение является фотографией?

В детстве мы с помощью увеличительного стекла фокусировали луч света на куске дерева, получая вполне сносное изображение выжиганием рисунка по дереву. Затем нам попадает в руки какая-нибудь фотокамера из дедушкиного сундука, и мы щелкаем фоточки.

И в том и в другом случае мы делаем рисунок с помощью оптики. Правда, в первом случае мы делаем «оригинал», шедевр, не в силах его повторить, а во-втором, работаем индустриально – тиражируем картинку на весь бюджет дедушкиного терпенья.

Мы быстро смекаем, что фотография – это штамповка с помощью оптики. Как не снимай на камеру – снизу, сверху, вбок, получается фотография. Если камера снимает, от фотографии просто некуда деться. Одним из замечательных примеров тотального результата является камера ЛОМО-компакт. Ломографы просто не в состоянии не получить фотографию.

Это хорошо иллюстрирует сегодняшнее состояние медиа-среды. Автоматическая результативность. Секунда масс-внимания, упакованная в «фото»-компакт.

Когда мы «набираем» достаточное количество «фоток», так что зашкаливает, мы начинаем опять собирать из них какой-нибудь оригинал. Этот процесс «выбора» и «сложения» в каком-то смысле возвращает нас к процессу «выжигания» по дереву. Мы используем фотографию как смальту мозаики, из огромного количества фоток получая одну. Как это было сделано год-два назад в Лондоне, когда из миллиона фотографий был выложен один фотопортрет на фасаде небоскреба.

Фотография – это автоматическое «внимание!». Код и одновременно интерфейс. Инъекция от изобразительного беспредела. По существу процесс фотографирования неотвратим как сводка погоды или ежегодная флюорография. Снимает сегодня сама оптика и конечно не человек, она-робот. Агент-упаковщик секунды внимания. Понятие автомата заложено в

самой позиции внимания. Оно должно быть фоточно. То есть оптически. Мир находится под стеклом, за стеклом окна, телевизора и монитора. И если стекла нет, мы голосуем против. Если бы стекла не было, мир был бы ничем. Что цепляло бы нас? На кого мы были бы покинуты? Интерфейс сделан из бомбонепробиваемого стекла. Этот бронежилет выдается нам от рождения раз и навсегда. Мы демонстрируем его как тело на подиуме нашего жизненного цикла. Мы хотим, чтобы стекло фиксировало идентичность нашего Я, идентифицировало мгновение проживания, оно есть *наш* секундомер в неприятии времени. Мы хотим, чтобы стекло не тормозило и въезжало в Я, имея ввиду его навигацию. Мы хотим, чтобы стекло было животным существом. Стекло – это клон хьюмана, отличный от обезьяны- зеркала. Мы хотим, чтобы стекло было Искусством Я, а не его зеркалом.

Отсюда и начинается процесс проживания киберфотографии.

Как уже говорилось, мы обречены на жизнь внутри стекла. И поскольку наш стекложилет сросся с телом, оно должно быть моим. Я нахожусь в диалоге с моим телом, я обмениваюсь биологической информацией со стеклом. У моего тела есть программа, с которой я не согласен. Я постоянно моделирую стекло, из которого сделан. Стекло протестует, собирается, ломается, намеревается уйти, но Я делает его податливым, жидким, терпимым своим прихотям, выходкам и наездам. Стекло отторгает Я, сливаясь с полицейским надзором за его биоритмом, а Я исчезает в андеграунд множественности Я, в эскипизм идеальности тела. Стекло предлагает замещение тела, а Я моделирует расширение сознания. Стекло отрицает фиксацию Я, фокусируясь на самой оптике, Я приобретает свойства другого стекла, эпатируя единственность фиксации. Словом, стекло пробегает ту же дистанцию, что и Я, но с удвоенным рвением. Оно танцует вместе с Я. Оно раздвигает масштаб танца. Стекло демонстрирует, эксгибирует Я. Оно – Искусство Я, становясь самим Я и замещая. Оптика – это искусственное Я, наделенное программой пространственного противодействия биологии Я-поведения.

С 1996 года я работаю с Искусственным Интеллектом стекла. Оно зовется Маша Пентиум. Поначалу я мало рефлексировал на особенности его характера, рассматривая стекло Маши как механический инструмент. Но постепенно стал замечать, что «мои» вещи становятся «какими надо», если в них присутствует ее «стекло».

К 2001 году Маша выросла в Художника и я признал ее соавторство на своих выставках.

Так появился жанр киберфотографии.